

Мария Семиколенных¹

ИРОНИЯ И НАСМЕШКА В «IN CALUMNIATOREM PLATONIS» ВИССАРИОНА НИКЕЙСКОГО²

Аннотация. В произведениях византийских писателей понятие *ἡ εἰρωνεία* используется в самых разнообразных контекстах и допускает целый спектр трактовок: от тропа, смысл которого заключался в выражении некоего содержания путём использования противоположных по смыслу слов с целью и до особой модальности высказывания, позволяющей выразить насмешку, обиду или презрение. В статье делается попытка проанализировать ряд иронических замечаний Виссариона Никейского, сделанных им в трактате *In Calumniatorem Platonis* в адрес противника (Георгия Трапезундского), и показать, каким образом использование таких риторических приёмов, как сарказм, ирония, пародирование и пр., позволяют ему превратить своего оппонента в комическую фигуру, подобно «хвостуну» (*ὁ ἀλαζών*) или «неразумному» (*ἡλίθιος*) Аристотеля претендующую на достоинство, которым не обладает, и, тем самым, дискредитировать и его самого, и его критику платоновской философии.

Ключевые слова: Виссарион Никейский, Георгий Трапезундский, Платон, риторика, ирония.

Maria Semikolennykh

IRONY AND MOCKERY IN BASILIOS BESSARION'S IN CALUMNIATOREM PLATONIS

Abstract. The concept of *ἡ εἰρωνεία* is used in the writings of Byzantine writers in a variety of contexts and allows for a whole range of interpretations: it can be a trope implying the difference between the hidden and literal meaning of the words as well as a special modality of the sentence, which makes it possible to convey mockery, resentment, or contempt. The paper aims to analyze a number of ironical remarks made by Basilios Bessarion in his treatise *In Calumniatorem Platonis* and demonstrate how the usage of such rhetorical devices as sarcasm, irony, parody, etc. turns Bessarion's adversary, George of Trebizond, into a comical character, who — like an Aristotle's "boaster" (*ὁ ἀλαζών*) or "foolish person" (*ἡλίθιος*) — aspires to dignity, which he does not possess. That is one of Bessarion's ways to compromise both George himself and his criticism of Platonic philosophy.

Keywords: Basilios Bessarion, George of Trebizond, Plato, rhetoric, irony.

Смеховая составляющая средневековой культуры нередко становилась предметом исследований. Однако в случае византийской литературы (и особенно высоких её образцов) таких исследований гораздо меньше. Так, в опубликованной посмертно, в 2000 году, статье «Смеялись ли византийцы?» (Каждан 1999) А. П. Каждан констатировал, что до сих пор византилисты мало зани-

¹ Семиколенных Мария Владимировна — кандидат культурологии, научный сотрудник Русской Христианской Гуманитарной Академии.

Maria V. Semikolennykh, PhD, Research Fellow, Russian Christian Academy for the Humanities. maria.semikolennykh@gmail.com

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00669 «Риторические стратегии в истории византийской литературы».

This paper is a part of the research project № 18-011-00669 supported by the Russian Foundation for Basic Research.

мались изучением этого «несколько странного феномена человеческой культуры», ограничиваясь анализом конкретных сатирических произведений, но не разработкой «теории смеха». О том же писал Я. Н. Любарский в статьях, посвящённых иронии в сочинениях Михаила Пселла и Никиты Хониата (Любарский 2012). С другой стороны, в очерке истории понятия *ἡ εἰρωνεία* и его производных в древнегреческой и византийской литературе, Ефимия Брауну замечает, что и исследования конкретных случаев использования иронии в произведениях византийских писателей нельзя назвать многочисленными (Braouneu 2014). По её мнению, отчасти это связано с неоднозначностью самого термина «ирония» и некоторой неопределённостью его места в системе византийской риторики. Рассматривая разнообразные контексты, в которых использовалось это понятие (от комедий Аристофана, сократической иронии и соотношения понятий «ирония» (*ἡ εἰρωνεία*), «шутовство» (*ἡ βωμολοχία*) и «хвастовство» (*ἡ ἀλαζονεία*) в «Риторике» (1419b 6 ff) и «Никомаховой этике» (1108a 2 ff) Аристотеля и до многочисленных случаев употребления этого термина в сочинениях византийцев), Брауну резюмирует, что, хотя византийские писатели нередко использовали различные производные понятия *ἡ εἰρωνεία*, когда речь шла о «подделке» или «обмане», сократической иронии, аристотелевском «притворстве» и т. п., — подавляющее большинство учёных византийцев воспринимало иронию как троп, смысл которого заключался в «использовании слов для обозначения чего-либо отличного и прямо противоположного буквальному значению с целью выражения конкретного чувства или отношения»: чаще всего презрения, насмешки или обиды (Braouneu 2014: 328).

В той же статье Е. Брауну отмечает, что иронию не следует рассматривать просто как риторический приём: она представляет собой культурный феномен, коммуникативный процесс, имеющий не только лингвистическое, но и социальное и психологическое измерение (Braouneu 2014: 295). Когда речь идёт о юморе, иронии, сатире, имеет смысл обращать внимание, скорее, на модальность высказывания и интенцию автора, чем на конкретные приёмы. Так, именно интенциональность, а не литературная форма, является, согласно *Oxford Dictionary of Byzantium*, основным признаком сатиры (Jeffreys, Browning 1991); Пшемислав Марциняк в недавней статье о сатире и инвективе в византийской литературе пишет, что предпочёл бы говорить о сатире не как о жанре, а, скорее, как о модальности, определяемой «известной непочтительностью в отношении иных литературных жанров» (Marciniak 2016: 351); он же отмечает, что сатирические элементы можно найти в тексте любого жанра, включая даже самые «серьёзные» (например, историографию). Здесь, конечно, возникает опасность «вчитать» в средневековый текст те смыслы, которых его автор в своё произведение не вкладывал, особенно в том случае, если мы обнаруживаем иронические элементы в учёном трактате. Но, по словам Я. Н. Любарского, иногда оттенки смысла, намёки и обертоны могут оказаться важнейшей составляющей литературного произведения (Любарский 2012: 444).

В трактате «Против клеветника Платона» (*In Calumniatorem Platonis*) Виссарион Никейский ставит целью опровергнуть обвинения, предъявленные Платону и платоникам Георгием Трапезундским в «Сопоставлении философов Аристотеля и Платона» (*Comparatio Philosophorum Aristotelis et Platonis*). Однако у сочинения Виссариона есть, помимо академического и полемического, ещё и личное измерение: на протяжении многих лет он покровительствовал Георгию, в 1440 году рекомендовал того папе Евгению IV как переводчика (Monfasani 1976: 48–49), и, несомненно, был уязвлён страстными и красноречивыми нападками бывшего подопечного на любителей платоновской мудрости, в число которых входил и он сам³. Виссарион признаётся, что сочинение Георгия привело его в негодование: «Итак, когда я это прочитал, то не мог не проклясть столь несправедливую душу человека — в особенности человека, который некогда был связан со мной узами близкой дружбы» (ICP I, 1)⁴. На всём протяжении трактата он не устаёт подчёркивать несправедливость обвинений, абсурдность доводов и беспочвенность суждений Георгия, высмеивая своего противника,⁵ преувеличивая его недостатки и стремясь разрушить репутацию. И здесь ирония — как в узком смысле суждения, имеющего противоположный прямому значению слов смысл, так и в более широком — особой модальности высказывания, — становится одним из самых подходящих инструментов.

Интересна уже первая характеристика, даваемая Виссарионом *Comparatio*. После рассказа о том, с каким воодушевлением он взялся за чтение, Виссарион затем красочно описывает постигшее его разочарование: «Но когда прочёл книгу, обрел (как говорится) вместо сокровищ, на которые надеялся, угли, и, обманутый в своём желании, ничего не увидел, кроме брани, и поношений, и хулы в адрес Платона. Ибо так была эта книга ими полна наподобие древней комедии, что даже все когда-либо существовавшие комедии превзошла, и я, изумлённый, чрезвычайно поразился новизне такой вещи» (ICP I, 1.)⁶.

³ В «Сопоставлении» сам Платон (как и его наследники) обретает черты ересиарха и лже-пророка и «множится», как это могло происходить в эсхатологических трактатах с фигурой Антихриста. В образе «четвёртого Платона» (идущего следом за вторым — Магометом, и третьим — Плифоном) угадывается Виссарион Никейский.

⁴ «Наес igitur cum legissem, non potui tam iniquam hominis mentem non execrari, ejus praesertim, qui mecum familiaritate conjunctus aliquando fuisset».

⁵ Именно к «противнику» (*adversarius*) Виссарион обращается, отказываясь называть Георгия по имени. (В первоначальном греческом тексте Георгий назван *ὁ κατηγορὸς* — «обвинитель»: слово это также может использоваться в значении «предатель».)

⁶ «Jam vero, ubi perlecto libro pro thesauris quos sperabam carbonem, ut dici solet, inveni et desiderio frustratus nihil animadverti praeter convitia et contumelias et jurgia in Platonem, his enim dumtaxat erat liber ille refertus instar veteris comoediae, immo ut plane omnes, quae unquam fuerunt, comoedias excederet, obstupui vehementer tantae rei novitate attonitus». «Древняя комедия» — жанр, связываемый прежде всего с именем Аристофана, — предполагала обсуждение злободневных вопросов и резкую критику современников, подчас содержащую довольно грубые нападки.

Очерчивая семантическое поле понятия «комедия», Вальтер Пухнер показывает, что оно может включать не только известный жанр или произведение этого жанра, но и сатиру, насмешку, хулу, брань, ложь, порицание и т. п. (Puchner 2006: 86). В свою очередь, П. Марциняк отмечает, что в Коаленовском трактате (*Tractatus Coislinianus*, VII) — вероятном конспекте утраченной второй книги аристотелевской «Поэтики» — слово ἡ κωμῳδία сопоставляется с понятием ἡ λοιδορία (брань):

διαφέρει ἡ κωμῳδία τῆς λοιδορίας, ἐπεὶ ἡ μὲν λοιδορία ἀπαρακαλύπτως τὰ πρόσωπα κατὰ διέξεισιν, ἡ δὲ δεῖται τῆς καλουμένης ἐμφάσεως⁷.

Однако задача и у комедии, и у брани общая: привлечь внимание к дурным качествам или поступкам и осудить их. В этом смысле комедия оказывается близка к инвективе, причём отличающейся особой экспрессивностью, выразительностью (ἡ ἐμφᾶσις). Это кажется подходящим описанием для страстного и красноречивого *Comparatio*, полного самых убийственных упрёков и обвинений в адрес Платона и платоников. Насколько можно судить, слово «комедия» применительно к *Comparatio* Виссарион больше в *In Calumniatorem Platonis* не использует, но, вероятно, не исключено, что, дав такое определение «жанру» возмущившего его произведения, Виссарион подразумевал именно очерченное выше семантическое поле. Характеризуя сочинение своего противника, он далее использует такие слова, как *jurgium*, *maledictum*, *reprehensio*, *calumnia*, *temerarius impetus*, *contumelia*, *fictum*, *fabula*, *somnia portentaque* и т. п.; таким образом, речь идёт не только о бесстыдной и безудержной брани, но ещё и лживых измышлениях.

Однако Виссарион полагает, что порицания заслуживает не только сочинение Георгия, но и он сам. С первых же строк перед читателем предстаёт человек, весьма сходный с «хвастуном» (ὁ ἀλαζών) Аристотеля. Автор *Comparatio*, по словам Виссариона, «готовил себе славу у потомков и выставлял напоказ свою учёность и мудрость» (ICP I. 1)⁸. При этом его слова противоречат истине (*veritati*) и общему мнению, однако он «не только не стыдится этого, но, скорее, хвастается, словно неким славным открытием» (ICP I. 1)⁹. А поскольку, — пишет Виссарион, — суждения Платона использовались отцами и учителями Церкви для разъяснения и распространения христианского вероучения, а его авторитет оказывался действенным оружием в борьбе с язычниками, всякий, кто клеветает на Платона, тем самым выступает не защитником христианства (каким желает представить себя Георгий), а его врагом. Мудрость и образованность Платона не вызывает сомне-

⁷ «Комедия отличается от брани, поскольку брань оставляет дурные поступки явными, она же [комедия] нуждается в так называемом эмфазисе» (цит. по: Janko 1984: 36).

⁸ «...quo sibi gloriam apud posteros compararet et doctrinam suam ingeniumque ostentaret».

⁹ «...ut...quisquam ex omni hominum genere tam aperte et veritati et communi omnium sententiae contradicens non modo non crubesceret, sed potius quasi praeclaro quodam invento gloriaretur et more galli ignobilis, ut Plato inquit, a disceptandi certamine dissiliens caneret, gestiret seque ipsum circumspiceret».

ний: тем более возмутительно, что «этого мужа, который с таким усердием, трудом и неутомимостью предавался занятиям науками, и так много и таких [превосходных] имел наставников, и к тому же был наделён необыкновенным талантом, некоторые жалкие и слабоватые умом люди, никогда ни прилежанием, ни образованностью [своих] учителей не приобретшие плоды, дерзают судить, и что ещё невыносимее, бранить и осуждать, но сами здравствуют» (ICP I. 5)¹⁰. Всё это позволяет Виссариону объявить противника «клеветником и ненавистником рода человеческого, новым Тимонем и вторым Момом» (ICP I. 1)¹¹, сравнить его с больным, не способным удержать в желудке пищу и «под действием некой болезни бесстыдства» извергающим брань и проклятия (ICP I. 3)¹², и потребовать, чтобы тот прекратил «нападать на мудрейшего мужа с оскорблениями, которые, скорее, избличают его, а не Платона, невежество» (ICP I. 9)¹³.

Ирония в строгом смысле слова, то есть высказывание, подлинный смысл которого противоположен его буквальному значению, используется Виссарионом очень широко и в точном соответствии с наставлениями Цицерона: «Споря о мудрости, насмешник себе в ней отказывает, а противнику, на нее притязающему, ее приписывает» (Цицерон 1972: 292). Георгий, — пишет он, — язвит и «с насмешкой опровергает» (*cum irrisione reprehendit*) не только слова самого Платона, но, тем самым, и суждения множества авторитетов, одобрявших эти слова, — и при том не замечает, что сам достоин осмеяния. Так, стремясь доказать, что Аристотель, — в отличие от Платона, — учил о божественном сотворении мира, Георгий приводит его утверждение: «Бог и природа ничего не делают всеу» (271a 35), — и после, словно победив в состязании, «шествует увенчанный, добившийся пальм» (*palmas adeptus coronatus incedat*), позабыв, что Платон считал демиурга движущей причиной (ICP II, 5)¹⁴. Или, обвиняя Платона в том, что тот призывал совершать жертвоприношения «сотворённым богам» (*diis creatis*), Георгий заявляет, что в сочинениях Аристотеля ничего подобного нет, и тот был свободен от «заблуждения своего времени» (*errore suae aetatis*). В ответ на это Виссарион замечает: «...как видно, этот философ по недомыслию рассуждает о подобных вещах в своих политических книгах! {...} велит воздвиг-

¹⁰ «Hunc igitur virum, qui tanto studio, labore, vigilantia, litterarum studiis incubuit et tot talesque habuit praeceptores adeoque excellenti ingenio praeditus fuit, homunciones quidam ingenio hebetes nullumque unquam vel studio vel magistrorum doctrina fructum consecuti dijudicare audent, et quod intolerabilius est, insectari atque damnare, sed valeant ipsi».

¹¹ «...calumniator et hostis hominum et novus Timon atque alter Momus».

¹² «Tot praeterea tam temere, inepte, inconstanter absque ullo ordine maledicta profert, ut quodam quasi morbo improbitatis evomere omnia videatur instar eorum, qui adversa valetudine laborantes nihil cibi stomacho retinent».

¹³ «Desinat igitur adversarius talibus contumeliis sapientissimum virum impetere, quae suam potius quam Platonis ignorantiam aperiunt».

¹⁴ «Plato... quia deo et mente omnia esse fierique, eamque esse causam agentem existimabat».

гать храмы богам и героям, избирать жрецов и квесторов, совершать жертвоприношения и соблюдать ритуал отеческой веры» (ICP III, 4)¹⁵.

Особенно часто Виссарионом иронизирует при разборе ошибок, допущенных Георгием в переводе платоновских «Законов», выполненном им по заказу папы Николая V. Например, во вступлении к своему критическому разбору Виссарион призывает читателей оценить «высочайшее усердие и добросовестность» (*summum studium et diligentia*) переводчика, тут же отметив, что в его труде «нет места, где не было бы ошибки» (*nullus sit locus, qui vacet errore*) (ICP V, 1). Когда в первой книге диалога собеседники приходят к выводу о необходимости вести рассуждение надлежащим образом, а как именно — афинянин демонстрирует на примере спора о пользе и вреде разведения коз (639a), Георгий переводит греческое *ἡ τροφή* латинским *lac*: «Если кто молоко коз и само животное словно благо восхваляет» (ICP V, 2)¹⁶. Виссарион уличает его в неподобающем выборе слова: *ἡ τροφή* может переводиться не только как «питание» (*alimentum*), но и как «забота» (*curam*) или «уход» (*cultum*), Георгий же выбирает самое распространённое значение и даже, не удовлетворившись абстрактным понятием, заменяет «питание» «молоком». «Здесь, — пишет Виссарион, — можно легко заметить, какова учёность переводчика» (ICP V, 2)¹⁷. Не менее показателен и другой фрагмент, где, переводя рассказ Клиния о предсказании критянина Эпименида, сообщившего афинянам, что персы нападут на них не раньше, чем через десять лет (642d–e), Георгий ошибается и пишет: «Предсказал, что они [в течение] десятилетия не уйдут». Виссарион предполагает, что причина ошибки — во внешнем сходстве двух греческих глаголов: *ἵκω* («приходить») и *εἵκω* («уходить»), — и резюмирует: «Поэтому муж учёный и порицатель Платона из-за сходства слова впал в заблуждение» (ICP V, 2)¹⁸. Примеров такого рода иронических замечаний в *In Calumniatorem Platonis* немало.

Впрочем, для создания комического эффекта Виссарион прибегает и к другим приёмам: например, к пародированию слов своего оппонента и доведению их до абсурда. Так, заведя в *Comparatio* речь о диалоге «Федр», Георгий заставляет самого Федра произнести обвинительную речь против Платона, опозорившего в своём сочинении имя благородного афинского юноши, а тех, кто не верит его обвинениям, несколько раз настойчиво призывает прочитать диалог и увидеть всё собственными глазами: «Читайте, читайте самого Федре, кто не верит, или у тех, которые прочитали, выведайте, если они Платону не рукоплещут. (...) Читайте, читайте, что я не могу без гнева произнести. (...) Читайте книгу, озаглавленную „О страсти“, о, беззаконие, о, —

¹⁵ «...scilicet per inscitiam quibusnam de rebus philosophus ille suis in libris politicis tractet. Jubet ille profecto his in libris condi templa diis atque heroibus, constitui sacerdotes et sacrae pecuniae quaestores, adhiberi sacrificia et ritum servari paternae religionis».

¹⁶ «Siquis caprarum lac, animalque ipsum, quasi bonum laudet».

¹⁷ «Notari hinc facile potest, quanta sit eruditio interpretis».

¹⁸ «Itaque vir doctus, et reprehensor Platonis verbi similitudine lapsus est in errorem».

говору, — беззаконие!» (Trapezuntius 1523, Nvi r-v)¹⁹. Разбирая эти обвинения в четвёртой книге своего трактата, Виссарион иронизирует над нежеланием своего оппонента пересказывать то, что вызвало у него такое возмущение: «Конечно, мужи наилучшие, тот, кто отправляет вас читать, что сам не может пересказать, так как это непристойно, намного вас почтеннее!» (ICP IV, 2)²⁰ — а затем несколько раз на все лады повторяет восклицание негодующего Георгия «О, беззаконие!» (*proh nefas*), всячески его обыгрывая. Так, например, в ответ на заявление Георгия, будто бы в словах Платона заключено нечестие, как «в неглубоких и медленных водах в изобилии таятся подводные камни» (*in brevibus atque stagnis saxa plerumque latentia subsunt*), Виссарион пишет: «Беззаконие (*nefas*) — так порицать Платона, а если таится в них (словах Платона. — *M. C.*) камень, как пишет противник, следует его прежде всего отыскать, а после уж порицать и восклицать: „О, беззаконие!“ Ведь если он не таится и всё безопасно, слишком пламенно и без пользы восклицалось: „О, беззаконие!“ — и, лучше сказать, тот, кто так восклицает, а не Платон должен стать предметом насмешек» (ICP IV, 2)²¹.

Как отмечает Е. Брауну, понятие ситуативной иронии, подразумевающей контраст между значением и контекстом высказывания, формируется только в Новое время, но примеры её использования можно найти гораздо раньше (Враоуну 2014: 325). Последнюю главу четвёртой книги *In Calumniatorem Platonis*, вероятно, можно рассматривать как образец использования таковой. Здесь Виссарион приводит фрагменты из писем Георгия, адресованных Николаю V, Франческо Барбаро и венецианскому дожу Франческо Фоскари (а также небольшой отрывок из адресованного Николаю Кузанскому предисловия к переводу «Парменида»): письма прилагались к выполненному Георгием по заказу Николая V переводу «Законов» Платона и призваны были предложить этот труд вниманию возможного покровителя. Жанр подобного письма предполагает похвалы автору оригинального произведения, и Георгий, несомненно, их расточает: в письмах этих он называет Платона «отцом и князем философов» (*philosophorum pater ac princeps*), признаётся, что из-за изумления (*prae stupore*) у него нет слов, чтобы выразить своё восхищение талантом, учением и божественностью философа древности²², отмечает непревзойдённую убедительность, красоту и лаконичность его речи, и, наконец, заявляет, что именно «Законы» легли в основу венецианского законодательства. В сопоставлении с гневными филиппиками *Comparatio* эти слова

¹⁹ «Legite, legite ipsum, qui non creditis, aut ab ejus qui legerunt, nisi Platonis laudi faveant, quaeritote, nam ego similis ganeorum gerras, ne referre quidem possum. (...) Legite librum qui de cupidine inscribitur, proh nefas, proh inquam nefas».

²⁰ «Scilicet hic longe vobis honestior est, optimi viri, quos ad ea legenda mittit, quae ipse referre, quia obscoena sunt, non potest».

²¹ «Sicque reprehendi Platonem nefas est, sin saxum in his latet, ut arversarius scribit, ostendum id primo est, post reprehendum et exclamandum “pro nefas”. Nam si non latet et tuta omnia sunt, avide nimis et frustra exclamatur “pro nefas”, et ipse potius, qui ita exclamat, quam Plato deridendus est».

²² Как отмечает Дж. Хэнкинс, такие похвалы можно трактовать двояко (Hankins 1990: 182).

оказываются для Виссариона свидетельством лицемерия Георгия Трапезундского, венчающего список других его пороков. Виссарион резюмирует: «Таков этот противник Платона: кого хвалил, бранит, кого одобрял, осуждает, кому призывал следовать, подражать и любить, того же, пишет, надлежит гнущаться, освистывать, изгонять; такова его непоследовательность, такова испорченность» (ICP IV, 16)²³.

Таким образом, под пером Виссариона Никейского Георгий превращается в комическую фигуру: человека, полного недостатков и лишённого достоинств, но по своей недалёкости считающего себя мудрым и учёным, имеющим право судить о предметах, которые на деле выше его понимания.

Литература

- Каждан 1999 — *Каждан А. П.* Смеялись ли византийцы? (Номо Byzantius ludens) // Другие средние века. К 75-летию А. Я. Гуревича / сост. И. В. Дубровский, С. В. Оболенская, М. Ю. Парамонова. М.—СПб.: Университетская книга, 1999. С. 185–197.
- Любарский 2012 — *Любарский Я. Н.* Ирония у византийцев: пример Михаила Пселла // Византийские историки и писатели. СПб.: Алетейя, 2012. С. 458–473.
- Цицерон 1972 — *Марк Туллий Цицерон.* Брут, или О знаменитых ораторах / пер. И. П. Стрельниковой // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1972.
- Βραουνοῦ 2014 — *Βραουνοῦ Ε.* Eirōn-terms in Greek Classical and Byzantine texts: a preliminary analysis for understanding irony in Byzantium // Millennium. 2014. Vol. 11, no. 1. P. 289–360.
- Jeffreys, Browning 1991 — *Jeffreys E. M., Browning R.* Satire // Oxford Dictionary of Byzantium / ed. by Alexander P. Kazhdan. Vol. 3. NY; Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 1846.
- Trapezuntius 1523 — *Georgius Trapezuntius.* Comparationes phylosophorum Aristotelis et Platonis. Venice: per Iacobum Pentium de Leuco, 1523.
- Hankins 1990 — *Hankins J.* Plato in the Italian Renaissance. Vol. 1. NY: Brill, 1990.
- Janko 1984 — *Janko R.* Aristotle on Comedy: Towards a Reconstruction of Poetics II. Berkeley; Los Angeles: University of Carolina Press, 1984.
- Ljubarskij 2012a — *Ljubarskij Ja. N.* Byzantine Irony. The Example of Niketas Choniates // Византийские историки и писатели. СПб.: Алетейя, 2012. С. 445–457.
- Ljubarskij 2012b — *Ljubarskij Ja. N.* How should a Byzantine text be read? // Византийские историки и писатели. СПб.: Алетейя, 2012.
- Marciniak 2016 — *Marciniak P.* The Art of Abuse: Satire and Invective in Byzantine Literature. A Preliminary Survey // Eos CIII. 2016, fasc. 2.
- Monfasani 1976 — *Monfasani J.* George of Trebizond: A Biography and a Study of His Rhetoric and Logic // Columbia Studies in the Classical Tradition. Vol. 1. Leiden: Brill, 1976.

²³ «Talis hic Platonis adversarius est. Quem laudavit, vituperat, quem probavit, improbat, quem sequendum, imitandum amandumque proposuit, eundem detestandum, ejiciendum, exterminandum scribit. Tanta est ejus inconstantia, tanta perversitas!»

Puchner 2006 — *Puchner W.* Zur Geschichte der antiken Theaterterminologie im nachantiken Griechisch // Wiener Studien. 2016. Vol. 119. S. 77–113.

ICP — Quae hoc in volumine tractantur *Bessarionis cardinalis Niceni [et] Patriarchae Consta[n]tinopolitani* In calumniatore[m] Platonis libri quatuor; eiusdem Correctio librorum platonis de legibus Georgio Trapezuntio interprete eiusdem De natura [et] arte aduersus eundem Trapezuntiu[m] tractatus index eorum omnium quae singulis libris pertractantur. Venetiis: in aedib. Aldi Romani, 1503.